

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-233-244>

УДК 821.161.1.09

ББК 83.3(2)

Научная статья/Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2025 г. Сюе Чэнь

г. Ухань, КНР

ОТРАЖЕНИЕ ТЕМЫ ГОЛОДА 1920-х ГГ. В «СОЛНЦЕ МЕРТВЫХ» И.С. ШМЕЛЕВА

Работа выполнена при финансовой поддержке Государственного фонда общественных наук Китая в 2025 г. — «Крымский миф в русской литературе»
(номер проекта: 25CWW027)

Аннотация: В статье исследуется художественное воплощение темы голода 1920 годов в эпопее И.С. Шмелева «Солнце мертвых». Крымская картина бытия эпохи Гражданской войны показана автором через призму глубокого экзистенциального кризиса человека, столкнувшегося с тотальным сломом привычного миропорядка. Центральным элементом становится голод, представленный не только как социальная катастрофа, но и как категория духовно-нравственная, системно подавляющая базовые биологические и психологические инстинкты. В рамках статьи проводится детальная параллель между шмелевским описанием рефлексии и поведенческих психотипов голодающих — материнским инстинктом, инстинктом самосохранения, каннибализмом, онейрическими состояниями — и ключевыми теоретическими положениями труда П. Сорокина «Голод как фактор». Как у Шмелева, так и у Сорокина поведение и сознание людей в условиях голода интерпретируются как яркое свидетельство своеобразного «нисхождения по эволюционной лестнице», где пределом деградации становится явление каннибализма. Писатель не просто фиксирует ужас происходящего, но и раскрывает через призму трагедии национальные и универсальные поведенческие модели, исследуя предельные возможности и границы человеческого существования. Особое внимание в статье уделяется уникальному художественному синтезу, где беспощадно реалистичное изображение трагедии неразрывно слито с мифопоэтикой, мощными библейскими аллюзиями, что придает повествованию характер вечной притчи о борьбе человека с абсурдом и небытием.

Информация об авторе: Сюе Чэнь — кандидат филологических наук, Старший преподаватель кафедры русского языка и литературы, Педагогический университет Центрального Китая, ул. Лююй, д. 152., 430079 г. Ухань, КНР.

Ключевые слова: голод, каннибализм, Крым, И.С. Шмелев, «Солнце мертвых».

E-mail: xuechen0430@126.com

Дата поступления статьи: 08.03.2025

Дата одобрения рецензентами: 05.11.2025

Дата публикации: 28.12.2025

Для цитирования: Сюэ Чэнь. Отражение темы голода 1920 гг. в «Солнце мертвых» И.С. Шмелева // Вестник славянских культур. 2025. Т. 78. С. 233–244.
<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-233-244>

В мировой истории массовый голод интерпретируется как социальная трагедия. Согласно данным официальной статистики, голод в 1921–1922 гг. в России охватил 35 губерний с общим населением в 90 миллионов человек, из которых голодало не менее 40 миллионов [8, с. 446], в том числе он привел к случаям каннибализма. Обратимся к другой статистике: в Первую мировую войну умерло 1,5 млн россиян, в голод 1921 г. — от 5 до 7,5 млн [3, с. 35]. Основными причинами голода считаются: жестокая засуха 1921 г., разрушительные последствия Гражданской войны, проводимая большевиками экономическая политика, человеческий фактор. Тема голода 1921–1922 гг. воплощена в русской литературе и нашла яркое отражение в художественных произведениях 20 гг. Вот некоторые произведения того времени о голоде: «Стихи о голоде» (1922) В.Я. Брюсова; «Голод» из цикла «Усобица» (1923) М.А. Волошина; «Диктатор Петр» (1923) Н.Н. Никандрова; «Голод» (1922) Б.Л. Пастернака; «Голод» (1922) С.А. Семенова; «Волга! Волга!..» (1921), «Голод» (1921), «Трубите, кричите, несите!..» (1921), «Народ отчаялся. Заплакала душа...» (1922) В. Хлебникова и др.

Тема голода не только упомянута в художественных произведениях, но и отражена в ряде социологических исследовательских работ того времени. Русско-американский социолог Питирим Сорокин также обратился к теме голода 1921–1922 гг., свидетелем которого он был. В своей монографии «Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь» (1922) развернут анализ типологических характеристик, причин, национальной специфики, биологических и экономических факторов голода. Он перечисляет четыре «монстра» всемирной истории: голод, эпидемия, война, революция. Голод как социальный «монстр» тесно связан с остальными. Общее положение о «монстрах» актуально для объяснения причин голода 1921–1922 гг. Сорокин описывает поведение граждан России в 1917–1921 гг., когда проявились катастрофические препятствия для сознательного и бессознательного добывания пищи [10, с. 7–8, 137–150].

Шмелев изображает крымский голод в конце Гражданской войны и как художник, и как документалист. Описанная автором ситуация в «Солнце мертвых» — живая и реальная конкретика 1920 гг. в Крыму; документальность материала соответствует документальности очерковой, исследовательской литературы об этих событиях. Шмелев был свидетелем крымской трагедии 1920 гг., пережил и голод, и красный террор, потерял единственного сына, после чего погрузился в глубокий духовный кризис, о чем свидетельствуют крымские письма Шмелева В. Вересаеву. Так 20 октября (2 ноября) 1921 г. он писал:

Я все потерял. Все. Я Бога потерял, и какой я теперь писатель, если я потерял даже Бога. С большой ли, с малой буквы — бог (Бог) — он нужен писателю, необходимо нужен. Мироощущение на той или иной религиозной основе — условие, без чего нет творчества. <...> Душа истекла [18, с. 181].

Литературный критик того времени Ю. Айхенвальд воспринял «Солнце мертвых» как русский «Апокалипсис», в котором новая власть есть зло в его библейском понимании («Руль», 1923, 8 июля) [2, с. 7]. И. Ильин прочитал «Солнце мертвых»

как аллюзию на библейскую историю Иова, но предпочтение отдал произведению Шмелева как вербальной картине современного бытия [15, с. 21]. Шмелев стремится в своей автобиографической эпопее не только к прямому описанию голода как социальной и народной трагедии, главным образом он сосредоточился на изображении интеллектуального, духовно-нравственного сопротивления человека голоду в условиях, когда политическое, социальное преодоление бедствия практически невозможно.

В «Солнце мертвых» мотивации поступков и сами поступки, интеллектуальная жизнь, эмоциональные рефлексии описаны в условиях и социального слома, и религиозно-мыслительных переживаний, и физических лишений, и моральных поражений, и биологических искажений. Человек становится неким «статистом» в бытийном эксперименте, подчиняется голоду как детерминирующему началу, у него иссякают витальные силы. В «Солнце мертвых» больница не принимает опухших от голода, приюты не берут детей, и в какой-то момент страдальцев ожидает смерть как спасение. По сути человек как биологический вид изображен в условиях «обратной филогении», перед ним — нисходящая эволюционная лестница:

Будем кормиться виноградными косточками, жмыхом! Его едят люди и умирают. Продают на базаре, как хлеб когда-то [20, с. 579].

Эта «обратная филогения» как некий путь «вспять» воплощена в мотиве каннибализма, «каннибализм часто возникает благодаря недостатку или отсутствию животной пищи» [10, с. 166]. Мотив каннибализма в произведении Шмелева осмыслен как деградация: «теперь человечину едят... человек злей собаки» [20, с. 518]. В «Солнце мертвых» включен и мотив трупоедства: «На Волге десятки миллионов с голодудохнут и трупы пожирают» [20, с. 506]. Явление это описано Шмелевым на фактической основе, оно фигурирует и в воспоминаниях М.Н. Квашниной-Самариной «В красном Крыму»: «Вокруг был страшный голод. Татары стали есть собак, кошек и даже трупы людей» [16, с. 352]. Чудовищность голода заострена через поведение и эмоции детей: «Как-то раз ко мне подошла маленькая девочка — дочка санитарки — и сказала с восторгом: “Сестрица, какую вкусную человечину я ела!”» [16, с. 352].

Обратимся также к свидетельству М. Волошина, который в письме к матери в феврале 1922 г. сообщал: «ужасы голода начинают принимать кошмарные формы. Людоедство становится обычным явлением» [11, с. 415]. Он же писал В. Вересаеву 12 марта 1922 г.: «Видят там и трупы с обрезанным мясом. Трупоедство было сперва мифом, потом стало реальностью. Колбаса и холодец из человеческого мяса были констатированы на рынке, так же как и похищение трупов на колбасу» [11, с. 435–436]. Голод подавлял родительские инстинкты, о чем свидетельствуют случаи детоубийства. Свидетельства М. Волошина дополняют дневниковые записи за 1922 г. феоодсийского гимназиста Г. Гауфлера:

Развилось страшное людоедство. Цыгане ловят, убивают и солят детей <...> А говорят, что тот, кто раз съел человеческого мяса, тот не может есть что-нибудь другое, а хочет только человечины, и это его толкает на новое убийство [4, с. 237–240].

В 1997 г. крымский писатель А.Г. Зарубин (в соавторе с братом В.Г. Зарубиным) опубликовал в Симферополе монографию «Без победителей: История гражданской войны в Крыму». В ней приведены следующие факты: «В Бахчисарае милицией аресто-

вана семья цыган, зарезавших четырех детей и из их мяса сваривших суп. В Карасубазаре (ныне — Белогорск) мать зарезала своего 6-летнего ребенка, варила его и начала есть вместе с 12-летней дочкой» [13, с. 699].

В «Солнце мертвых» каннибализмом писатель в целом маркирует установившийся при новой власти ход жизни. Фактор единичного людоедства проецируется автором на отношения социальных масс и интерпретируется как самоистребление человеческого рода. Каннибализм — редкая тема русской литературы, но все же прозвучавшая в 1920 гг. В «Погорельщине» (1928) Н. Клюев воплотил тему людоедства 1920 гг. на русском Севере: «И синеглазого Васятку / Напредки посолили в кадку»; «За кус говядины с печенкой / Сосед освежевал мальчонка / И серой солью посолил / Вдоль птичьих ребрышек и жил» [17, с. 687]. Поэт показал, как в людоеде искажается человеческая природа. Так, старуха, замывшая кровь мальчика, «Излилась лаем на чулане, / И страшен был старуший лай» [17, с. 687]. Ответственность перекладывается и на сам крестьянский мир, зооморфизм проявляется в мужиках и бабах: они «взвыли на луну»; «Завыл Парфен, худой Егорка, / Им на обглоданных задворках / Откликнулся матерый волк...» [17, с. 688]. Искажёнными формами наполняется пространство, луна обретает лик Васятки: «Ополночь бабкино страданье / Возшло над бедною избой / Васяткиною головой» [17, с. 687].

К теме голода 1921–1922 гг. также обратились татарские писатели М. Гафури и Г. Ибрагимов. Психологическая и правовая деградация каннибала — тема татарской литературы первой трети XX в. В поэме «Людоеды» М. Гафури описан отец, которого муки голода толкают на преступление — убийство сына. Он трижды пытается есть неостывшее мясо своего ребенка, но не решается взять и кусочек. Жесткий натурализм характеризует и поведение матери: она достает кусочек мяса, ее «рот был открыт, но не послушался язык своей хозяйки / упала на пол маленькая ручка» [12, с. 71]. В повести Г. Ибрагимова «Люди» (1923) изображена трагедия татарской семьи — отец убивает собственную дочь. И здесь писатель прибегает к натуралистическим подробностям: «он накрыл лицо Нафисы тряпкой и грубой рукой провел несколько раз ножом по горлу... дочь с наполовину разрезанным горлом начинает хрипеть. Страшная смерть...» [14, с. 278]. В отличие от героя Гафури, герой Ибрагимова насыщается мясом жертвы и не осознает своего греха, «не чувствует раскаяния, того чувства, что рождается в сытом теле: мораль, совесть, силы уже давно покинули его» [14, с. 280]. Ибрагимов показывает, как голод ослабляет родительский инстинкт. В теме голода, в частности каннибализма, показана как частная трагедия, так и универсальная проблема искажения психики личности, оказавшейся в чрезвычайных обстоятельствах. Образу каннибала в «Солнце мертвых» придан онтологический, глубинный смысл, что достигается рассуждением о появившейся в Крыму Бабе Яге — хозяйке мира мертвых, типологически близкой богине мертвых Персефоне, как полагал А.А. Потебня [7, с. 243].

Эпический смысл эпизода о людоедстве проявляется благодаря аллюзиям повести Шмелева на библейский текст. Приведем пример из повести: «В Бахчисарае татарин жену посолил и съел» [20, с. 579]; здесь люди пожирают детей своих, и животные постигают ужас» [20, с. 470]. В Библии тема голода также сопровождается мотивом людоедства. Приведем пример из четвертой книги Царств. При осаде Самарии две женщины заключили соглашение о поедании своих детей, первая выполнила договоренность, вторая, насытившаяся чужим ребенком, отказалась отдать на съедение своего:

И сказал ей царь: что тебе? И сказала она: эта женщина говорила мне: «отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра». И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: «отдай же твоего сына, и съедим его». Но она спрятала своего сына (4 Цар. 6: 28–29).

В Книге «Плач Иеремии» при описании падения Иерусалима есть такие строки:

И женщины, пребывая в страданиях великих, своими руками варят тела детей своих малых в кипятке, чтобы накормить плотью детей убитых своих тех, кто оплакивает падение дочерей моих и людей моих (Плач. 4: 10).

Во «Второзаконии» говорится по поводу наказания иудеев Богом:

И ты будешь есть плод чрева твоего, плоть сынов твоих и дочерей твоих, которых Яхве, Бог твой, дал тебе, в осаде и в стеснении, в котором стеснит тебя враг твой (Втор. 28: 53).

Каннибализм в «Солнце мертвых» подан и как факт современности, и как вневременная реальность. Писатель не описывает психологического и физического состояния каннибала. Каннибал вынужденно подчинен своей биологической природе, но сознание его преступно. По мысли Д.С. Лихачева, высказанной в связи с трагедией блокадного Ленинграда:

Людоедство это нельзя осуждать огульно. По большей части оно не было сознательным <...> Но были и такие мерзавцы, которые убивали людей, чтобы добыть их мясо для продажи [5, с. 316].

Лаконичность эпизодов и бесстрастность интонации Шмелева усиливает тему бедственной участи человека.

Биологические рефлексы человека подчиняются голоду, но и голод подавляет самозащитные рефлексы человека. Например, голодающие едят ядовитую пищу. Голод заставляет героев Шмелева распродавать одежду, пробираться в опасную для жизни местность, например, старая няня с риском для себя везет вино в степь для обмена на пшеницу и т.п. В ряде эпизодов описано депрессивное состояние голодающих. Голод побуждает доктора Михаила Васильевича есть желуди и старый горький миндаль из сада, молоть виноградные косточки и печь из них пирожки. Борис Шишкин печет лепешки из желудей и ест их, несмотря на муки тошноты. Девочка по велению матери собирает буковые орешки-пьянки, «от них голова пьяная бываете, если много грызть, зато они жи-ирные, вку-усные!» [20, с. 551]. Старый рыбак умирает, наевшись досыта виноградного жмыха. Мальчишки грызут копыта и кости, «в остатках от “людоедов” роются дети и старухи, ищут колбасную кожицу, обгрызанную баранью кость...» [20, с. 600].

Шмелев, описывая психологическое состояние голодающего, показывает стадии утраты воли к жизни. В этом отношении показательна история доктора, в конечном итоге решающего, что его жизнь «за порогом». Старая барыня рефлексировала по поводу ненужности будильника, она готова заснуть и не проснуться. Кузнец Кулеш мечтает поменять на пшеницу и картошку свою печь — в прежние времена источник его заработка; голод подавляет его энергию, он обессилен, но его не принимают в больницу, он умирает. Для рассказчика печеный хлеб — забытое понятие, он рассуждает о том, что для мертвых все — ничто и ничего. Люди утешают себя надеждой на смерть.

Питирим Сорокин отмечал, что в самом начале голода человек стремится к интенсивной добыче пропитания; продолжительно голодая, он испытывает снижение энергии и подавление психики и физической выносливости; минимизируется инстинкт самозащиты и возрастает готовность к смерти [10, с. 256–280].

В «Солнце мертвых» голод и «пайка» мотивируют *политический выбор* человека. Шмелев создает образ интеллигента, принявшего порядок большевиков. За фунт хлеба Шура из тихого музыканта становится «мелким стервятником», конфискующим у населения так называемые излишки, он сажает людей в тюрьмы-подвалы, откуда их без суда и следствия ведут на казнь [20, с. 478]. Зооморфная характеристика вписывает его в ряд «зверя», «дикаря», «ястреба», «дьявола лютого» «с лицами человеческими», «бациллы человеческой». История Шуры также коррелирует с фрагментом труда Сорокина, в котором описано, как голодный человек действует вопреки своим убеждениям:

...голод стремится переделать наше мировоззрение и идеологию по своему образу и подобию, удаляет, обрезает, глушит, выветривает все конфликтующее с ним и «протезирует» всему, что ему благоприятствует [10, с. 226].

У Шмелева показан в прошлом мирный интеллигент — архитектор, который при новой власти и из-за страха, и ради полфунта хлеба из соломы описывает и реквизирует книги рассказчика.

Голод минимизирует иные мотивировки поступков и деформирует религиозное сознание. В голодном состоянии доктор проходит путь от веры в существование Бога к неверию. Он не выдержал физических, эмоциональных страданий, не нашел интеллектуальной и религиозной опоры. В сознании доктора складывается противоположная каноническому православию парадигма новой религии. Смысл ее заключен в словосочетании «небытие помойное» [20, с. 508]. Он перестает держаться за жизнь как за дар Божий, запирается в доме и заканчивает земной путь суицидом — как нисхождением в преисподнюю. В христианстве грех самоубийства восходит к сомнению в спасительном промысле Божьем. В религиозном аспекте самоубийство символизирует то, что в сознании доктора Бог умер. Это результат и иссякания жизненных сил, и кризиса веры. В произведении также приведены эпизоды о тех, кто переходит на сторону большевиков, изменяет свою веру: были «сорваны — пропиты кресты нательные» [20, с. 522]. Описано осквернение креста бутылкой. В критической ситуации, как пишет Шмелев, люди «Евангелие пустили на пакеты» [20, с. 517]. Инстинкт самосохранения принуждает девушку спастись от голода браком с подкармливающим ее татаринном: «какая гадкая стала... если бы замуж взяла... пошла бы... что чужая вера!» [20, с. 552] Нарушение норм поведения выражено в изменении иерархии потребностей. Порядочные женщины под давлением голода продают себя за хлеб, что показано в ряде эпизодов «Солнца мертвых». Например, девочка идет на кордон просить хлеба, она «нарушенная стала», но вынуждена и далее таким путем добывать пищу. Звучат обобщающие фразы: «семья теперь... все девчонки! Не миновать — всем гулять... с комиссарами» [20, с. 561]; «а теперь вся девка у них, на прикорме, каких полюбовниц себе набрали... из хорошего даже роду» [20, с. 587].

Описанное компромиссное поведение как следствие голода перекликается с известной библейской историей. В Книге Бытия Исав, старший сын Исаака и Ревекки, за чечевичную похлебку передает свое право первородства младшему брату Иакову: «Скорее, дай мне поесть немного того красного, что ты готовишь! Я умираю от голода»

(Быт. 25: 30). Из-за похлебки из красной чечевицы меняется имя Исава на имя Едом, то есть красный (Быт. 25: 31–34), что меняет и саму его личностную идентификацию. Библейский сюжет — пример религиозной антропонимики, утвердившейся впоследствии в художественной практике. В «Солнце мертвых» жителей Крыма Шмелев надевает именами, а представители новой власти в Крыму показаны как безымянная масса.

Онтологический смысл трагедии у Шмелева воплощен и в теме голода детей и животных. Образы детей, наиболее незащищенных в условиях массового голода, и животных отмечены особой авторской эмоциональностью. Детское восприятие голода конкретно, не усложнено глубоким психологизмом и философичностью. Оно проявляется лаконично и с нравственной определенностью в понимании добра и зла. В повести Шмелев акцентирует внимание на восьмилетней девочке Ляле — дочке няни (соседке рассказчика). Ляля — босоногая, прозрачная, хрупкая, беленькая девочка, у нее светлые умные глаза; на ней — единственная одежда, которую она носит с весны. Испытания голодом отражены на внешности детей: у девочки серьезное лицо, усталые, ввалившиеся глаза; мальчики иссушены голодом. В образе Ляли запечатлена двойственность сознания ребенка, оказавшегося в такой ситуации. С одной стороны, в ней есть наивность, детское любопытство и детская чистота. Узнав, что корова Тамарка сжевала миндаль, девочка считает, что теперь корова даст миндальное молоко [20, с. 476]. Ляля стеснительна, совестлива, отказывается принять лепешку у рассказчика, зная, что он сам голодает: «она вся вспыхивает и пятится, а глаза не могут оторваться от лепешки. Она даже отмахивается в испуге» [20, с. 476]. С другой стороны, Ляле свойственно взрослое мышление. Девочка очень серьезно разговаривает с рассказчиком и по-взрослому пытлива в познании природы. Взрослея в условиях голода, наблюдая смерть, она адаптируется в мире взрослых. В то же время она следует этическим нормам, от которых отступали взрослые, открыта и прямолинейна в оценках неблагоприятных поступков: дядю Андрея, укравшего гуся, она называет вредным мужиком. Также мальчики, узнавшие о смерти своего отца, исполнены справедливой мести: «Мы... Коряка... убьем! камнем убьем! <...> — Сволочь!» [20, с. 551].

Дети в повести Шмелева не испытывают чувства страха перед смертью от голода, верят в слова взрослых о Великом воскресении:

Чего бояться... — отвечает она, грызя миндалики. — Мамочка говорит — только не мучиться, а то как сон... со... он-сон! А потом все воскреснут! И все будут в белых рубашечках, как ангелочки, и вот так вот ручки... Под рукой-то, под рукой-то!.. раз, два... четыре целых миндалики! [20, с. 558]

В поведении ребенка проявляется ответственность. Взросление выражается в том, что дети ищут еду не только для себя, но и для младших; старший ребенок — двенадцатилетняя девочка — добытчик в семье: младшие обглаживают кости, едят кусок овечьего сыра и татарский чурек, добытые для них сестрой; она ради себя и двух младших братьев хочет выйти замуж за татарина и не считает это самопожертвованием [20, с. 485].

В «Солнце мертвых» наряду с образами голодных детей присутствуют и образы голодных животных. Например, это кричащий от голода павлин, голодающая корова, трупы брошенных врангелевцами коней, ослабевшие курочки.

Образы животных часты в литературе и фольклоре, они встречаются в сказках, мифах, произведениях с басенно-аллегорическим смыслом. Немало образов животных

воплощено русскими поэтами, это и «Конь» (1834) Пушкина, и «Змей» (1847) Фета, и «Волки» (1856) А. К. Толстого, и «Молодые лошади» (1876) Некрасова; «Белый конь чуть ступает усталой ногой...» (1905) Блока; «Безумный волк» (1933) Заболоцкого и многие другие. Нередко в произведениях образы животных наделяны философским смыслом, в некоторых случаях они используются для иносказания, образного воплощения некоторых черт человека. Животные наделяны антропоморфной спецификой, позволяющей выразить человеческие эмоции. Шмелев, напротив, вводит в повесть автологические, самозначимые образы животных – жертв крымского голода.

В «Солнце мертвых» зоонимика – повторяющееся средство идентификации животных. Шмелев дает им имена, выражающие их индивидуальность: корова — Тамарка; курочки — Торпедка, Жандюха, Жемчужка; в именовании лошади Лярвой (злой дух) скрыт юмор.

Традиционно культурологический символ коровы означает плодородие, благосостояние, терпение. В славянской культуре корова — кормилица семьи, хранительница очага: «в древности славяне не забивали коров на мясо. Коров не режут, а продают даже в случае болезни или старости <...> есть свидетельства того, что на Руси коров часто хоронили как людей» [9, с. 248]. В «Солнце мертвых» корова Тамарка — кормилица рассказчика и его супруги, каждое утро она дает молоко, но ее нечем кормить. Голодная, она обглодала миндаль, жевала ветки, вылизывала рассохшуюся кадушку. Раньше ее вымя сочилось пенным, теплым молоком, теперь оно пустое, из него сочится кровь. Муки голода переданы через описание внешности: «Ее бока провалились, выперли кости таза, а хребет заострился и изъеден кровопийцами мухами и слепнями»; «Сочится сукровица из ранок: там уже свербит червивое потомство, зреют в теплоте язвы. Вымя ее вытянулось и потемнело, подсохли-поморщились сосочки: ничего не вытянут из нее сегодня хозяйские руки» [20, с. 464]. Ее слезы вызывают сострадание рассказчика.

Эмоциональная составляющая — доминанта в описании курочек, с которыми рассказчик делится зерном. Он не ест курочек, хоронит их, что нетипично в условиях массового голода; он называет их родными, маленькими друзьями: «наша родная собеседница кроткая, молчаливый товарищ в скорби» [20, с. 516] и т. п. Для рассказчика курочки — образ живого бытия: в их глазах таится «величайшее чудо жизни», отражается пространство человека и природы: море, горы, леса, люди. Эпизоды, реплики, связанные с курочками, свидетельствуют о доминировании в человеке не биологического фактора, а потребности души. Мотивацию поведения находим в крымском письме Шмелева 1921 г. (октябрь): «Есть 6 кур, но их не могу <...> О, я мог бы много ласкового сказать о них. Об их уме, о многом. И все, все связано с мальчиком» [18, с. 183]. Шмелев имел в виду расстрелянного в Крыму сына. Фраза из письма соотносится с цитатой из повести: «Бедные мои птицы, они худеют, тают, но они связывают нас с прошлым...» [20, с. 460] В свою очередь, курочка-мать проявляет родительский инстинкт, не берет корм, уступает его своему потомству.

Вместе с тем курочки не только свидетели прошлой прекрасной жизни, но и «свидетели нашего умирания», и участники трагедии. В глазах курочки ходит «солнце смерти», и рассказчик обращается к ней: «Как оловянная пленка — твои глаза, и солнце в них оловянное, пустое солнце» [20, с. 481]. Голодные курочки день ото дня становятся легкими, как их перья, и умирают: «они погибают, пятеро»; «теперь их четыре только, последние. Подрагивают на своем погосте» [20, с. 521, 516]. Смерть курочки Торпедки на руках рассказчика — «счастливый» уход: «сколько теперь больных, которые знали солнце, и кто уходит во тьме!.. Ни шепота, ни ласки родной руки...

Счастливая ты, Торпедка!» [20, с. 481] Смерть курочек осмысливается и экзистенциально, и онтологически: «Великий дал тебе жизнь. И мне, и этому чудаку-муравью. И Он же возьмет обратно» [20, с. 539].

Сквозной образ повести — павлин с зелено-золотистым хвостом, «райская птица» — символизирует красоту и благородство. Автор приписывает павлину ум и человеческие чувства: он, будто понимая бессилие хозяина-рассказчика перед голодом, решил жить на пустыре и самостоятельно добывать пропитание. Он, как бродяга, ходит по пустырю и балке в поисках еды, долбит сухую землю и камень, выклеывая дикий чеснок и гадючий лук. От голода он дико кричит, чтобы привлечь внимание и получить пищу. Этот образ образует параллелизм с состоянием рассказчика, оказавшегося в безвыходной ситуации. Человек решил убить павлина и поменять его мясо на табак, но возобладало покаяние:

Я вдруг почувствовал, что в нем роковое что-то, связанное со мной... Я давил его шелковое синее, скользящее горло, вертявшее, змеиное горло. Он боролся, драл мою грудь когтями, бил крыльями. Он был силен еще, голодный... Затем он завел глаза, затянул беловатой пленкой... Тут я его оставил. Он лежал на боку, чуть дышал и трепетал шеей. Я стоял над ним в ужасе... я дрожал... Так, должно быть, дрожат убийцы. Слава Богу, я не убил его. Я гладил его по плюшевой головке, по коронованной головке, по атласной шейке. Я поливал на него водой, слушал сердце... <...> Мне теперь будет больно смотреть на него и стыдно [20, с. 573].

Оставшееся от павлина сломанное перо — символ гибели красоты. Любопытно, что мотив гибели павлина в «Солнце мертвых» противоположен семантике образа в мифотворчестве разных народов. В раннем христианстве павлин — символ изобилия, плодородия, бессмертия, «красоты нетленной души» [1, с. 365]; в западноевропейской иконографии он «пьет из евхаристической чаши, клюет плоды виноградной лозы» [6, с. 273]; изображается у райского древа жизни. Павлину же в произведении Шмелева, напротив, сопутствует смертельный культурологический лексикон.

В повести создан трагичный образ кобылы Лярвы. Раньше старый кузнец Кулеш ездил на ней в степь обменивать печки из старого железа на картошку. Теперь лошадь, ковыляя, везет покойника-кузнеца на кладбище. Она, сама ставшая как остов, провожает хозяина в иной мир. Шмелев дает натуралистические подробности: после голодной смерти Лярвы белка выгрызла ее язык и губы. Смертельный смысл вложен и в образы брошенных добровольцами коней, переключаясь со строками поэта-эмигранта Н. Туроверова:

Конь все плыл, теряя силы, / Веря в преданность мою. / Мой денщик стрелял не мимо, /
Покраснела чуть вода... / Уходящий берег Крыма / Я запомнил навсегда [19, с. 97].

В «Солнце мертвых» Шмелев описывает крымскую фактографию начала 1920 гг., события изображены с опорой на действительность. Картина жизни в Крыму начала 1920 гг. представлена через описание экзистенциального состояния человека в экстремальных условиях голода, переживания им слома привычного образа жизни. Показанные в повести биологические и психологические рефлексy голодающих выражены в инстинктах личного самосохранения, каннибализме и в целом неадекватных психических и физических состояниях. В ряде эпизодов произведения Шмелева поведение и сознание голодающих даны как свидетельства некоего метафорического «нисхождения человечества по эволюционной лестнице». Апогеем развития темы голода стано-

вится мотив каннибализма. Его глубинный смысл подчеркнут аллюзиями на библейские сюжеты. Через описание голодающих детей и животных усилена характеристика крымского голода как трагической картины бытия. Голод 1921–1922 гг. представлен Шмелевым в «Солнце мертвых» как личная и национальная трагедия, автор раскрывает общечеловеческую суть голода как экзистенциального явления, а также онтологического и социально-исторического.

Список литературы

Исследования

- 1 Андреева В., Куклев В., Ровнер А. Энциклопедия символов, знаков, эмблем. М.: Локид; Миф, 2000. 576 с.
- 2 Айхенвальд Ю.И. Литературные заметки // Руль. 1923. № 791. 8 июля. С. 7–8.
- 3 Василенко В.В. «...я видел голод и знаю теперь, что это значит»: А.А. Сорокин о голоде 1921 г. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1/10. С. 34–43.
- 4 Гауфлер Г. Тревожные дни. Дневник феодосийского гимназиста: апрель 1919 г. – декабрь 1924 г. // Крымский альбом 1999: ист.-краевед. и лит.-худож. альманах. М.: Издат. дом «Коктебель», 2000. Вып. 4. С. 237–240.
- 5 Лихачев Д.С. Воспоминания. М.: Вагриус, 2006. 428 с.
- 6 Мифы народов мира: в 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2. 720 с.
- 7 Потебня А.А. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий // Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. М.: Лабиринт, 2000. С. 92–328.
- 8 Революция и гражданская война в России: 1917–1923: энциклопедия в 4 т. М.: Терра, 2008. Т. 1. 560 с.
- 9 Славянская мифология. Энциклопедический словарь. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.
- 10 Сорокин П.А. Голод как фактор.: Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь. М.: Academia & LVS, 2003. XII, 684 с.

Источники

- 11 Волошин М.А. Собр. соч.: в 13 т. М.: Эллис Лак, 2013. Т. 12: Письма 1918–1924. 990 с.
- 12 Гафури М. Людоеды // Гафури М. Избранное. / пер. Ж. Шейшеналиева. Уфа.: Китап, 2008. С. 52–72.
- 13 Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь: АнтикВА, 2008. 724 с.
- 14 Ибрагимов Г. Люди // Ибрагимов Г. Избранное / пер. с тат. Р. Фаизовой. М.: Худож. лит., 1976. С. 247–286.
- 15 Ильин И.А. Собр. соч.: Переписка двух Иванов (1927–1934): в 3 т. М.: Русская книга, 2000. Т. 1. 560 с.
- 16 Квашнина-Самарина М.Н. В Красном Крыму // Минувшее: Исторический альманах. М.: Прогресс: Феникс, 1990. Вып. 1. С. 336–357.
- 17 Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Республиканской худож. гимназии-интернат им. К.А. Давлеткильдеева, 1999. 1072 с.

- 18 «Последний мой крик — спасите!»: Письма И.С. Шмелева В.В. Вересаеву 1921 г. // Встречи с прошлым. М.: Русская книга, 1996. Вып. 8. С. 165–94.
- 19 Туроверов Н. «Двадцатый год — прощай Россия!». М.: Планета детей, 1999. 304 с.
- 20 Шмелев И.С. Солнце мертвых // Шмелев И.С. Собр.соч.: в 5 т. М.: Русская книга, 1998. Т. 1. С. 453–636.

***

© 2025. Xue Chen
Ukhan', KNR

REFLECTION OF THE THEME OF HUNGER OF THE 1920s IN IVAN SHMELEV'S "THE SUN OF THE DEAD"

Acknowledgements: The work is performed with financial support of the China Social Science Foundation in 2025 — “The Crimean Myth in Russian Literature” (project number: 25CWW027).

Abstract: The paper explores artistic embodiment of the theme of the famine of the 1920s in Ivan Shmelev's novel “The Sun of the Dead”. The author presents the Crimean landscape of the Civil War era through the lens of a profound existential crisis faced by individuals who are confronted with the total disruption of their familiar world order. The central element of this portrayal is the theme of hunger, which is introduced not only as a social catastrophe but also as a spiritual and moral category that systematically suppresses basic biological and psychological instincts. The study draws a detailed parallel between Shmelev's description of the reflection and behavioral psychotypes of the starving people — maternal instinct, self-preservation instinct, cannibalism, and oneiric states — and the key theoretical provisions of P. Sorokin's work “Hunger as a Factor”. Both Shmelev and Sorokin interpret the behavior and consciousness of people in conditions of hunger as a clear indication of their descent down the evolutionary ladder, where the motif of cannibalism appears as a culmination of degradation.

Keywords: Hunger, Cannibalism, Crimea, I.S. Shmelev, “The Sun of the Dead”.

Information about the author: Xue Chen— PhD in Philology, Senior Lecturer at the Department of Russian Language and Literature, Central China Normal University, Loyu St., 152, 430079 Wuhan, China.

Email: xuechen0430@126.com

Received: March 8, 2025

Approved after reviewing: November 5, 2025

Date of publication: December 28, 2025

For citation: Chen, Xue “Reflection of the Theme of Hunger of the 1920s in Ivan Shmelov's ‘The Sun of the Dead’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 78, 2025, pp. 233–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2025-78-233-244>

References

- 1 Andreeva, V., Kuklev, V., Rovner, A. *Entsiklopediia simvolov, znakov, emblem* [*Encyclopedia of Symbols, Signs, and Emblems*]. Moscow, Lokid Publ., Mif Publ., 2000. 576 p. (In Russ.)
- 2 Aikhenval'd, Iu.I. "Literaturnye zametki" ["Literary Notes"]. *Rul'*, no. 791, July 8, 1923, pp. 7–8. (In Russ.)
- 3 Vasilenko, V.V. "...ia videl golod i znaiu teper', chto eto znachit': A.A. Sorokin o golode 1921 g." ["...I Saw the Famine and now I know what It Means': A.A. Sorokin on the Famine of 1921"]. *Gumanitarnye i iuridicheskie issledovaniia*, no. 10, 2016, pp. 34–43. (In Russ.)
- 4 Gaufler, G. "Trevozhnye dni. Dnevnik feodosiiskogo gimnazista: aprel' 1919 g. – dekabr' 1924 g." ["Anxious Days. Diary of a Feodosiy Gymnasium Student: April 1919 – December 1924"]. *Krymskii al'bom 1999: istoriko-kraevedcheskii i literaturno-khudozhestvennyi al'manakh* [*Crimean Album 1999: Historical, Local History and Literary-art almanac*], vol. 4. Moscow, Izdatel'skii dom "Koktebel", 2000, pp. 237–240. (In Russ.)
- 5 Likhachev, D.S. *Vospominaniia* [*Memories*]. Moscow, Vagrius Publ., 2006. 428 p. (In Russ.)
- 6 Mify narodov mira: v 2 t. [*Myths of the Peoples of the World: in 2 vols.*], vol. 2. Moscow, Sovetskaia entsiklopediia Publ., 1982. 720 p. (In Russ.)
- 7 Potebnia, A.A. "O mificheskoi znachenii nekotorykh obriadov i poverii" ["About the Mythical Meaning of Some Rituals and Beliefs"]. Potebnia, A.A. *Simvol i mif v narodnoi kul'ture* ["Symbol and myth in folk culture"]. Moscow, Labirint Publ., 2000, pp. 92–328. (In Russ.)
- 8 *Revoliutsiia i grazhdanskaia voina v Rossii: 1917–1923: entsiklopediia v 4 t.* [*Revolution and Civil War in Russia: 1917–1923: Encyclopedia in 4 vols.*], vol. 1. Moscow, Terra Publ., 2008. 560 p. (In Russ.)
- 9 *Slavianskaia mifologiiia. Entsiklopedicheskii slovar'* [*Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary*], 2nd ed. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniia Publ., 2002. 512 p. (In Russ.)
- 10 Sorokin, P.A. *Golod kak faktor.: Vliianie goloda na povedenie liudei, sotsial'nuiu organizatsiiu i obshchestvennuiu zhizni* [*Hunger as a Factor: The Impact of Hunger on Human Behavior, Social Organization, and Social Life*]. Moscow, Academia & LVS Publ., 2003. XII, 684 p. (In Russ.)